

DOI: [https://doi.org/10.18524/2410-2601.2019.2\(32\).188638](https://doi.org/10.18524/2410-2601.2019.2(32).188638)

УДК 130.2

Евгения Селезнева

ФУНКЦИИ ПУБЛИЧНЫХ ГОРОДСКИХ ПРОСТРАНСТВ

В статье предлагается модель функциональности публичных городских пространств, которая позволила бы оценивать эту функциональность и отслеживать возникающие дисфункции и неравенства в городской среде. Модель включает в себя восемь базовых функций и две дополнительные, предполагает дальнейшую разработку и исследование.

Ключевые слова: функциональность пространств; городские пространства; функции городских пространств; символическое пространство города; нарратив города; темпоральность.

Вопрос функциональности публичных городских пространств в настоящее время достаточно мало изучен. Его так или иначе упоминают в своих работах различные философы и социологи [Krier 1979; Lefebvre 1991], однако какой-либо единой модели, позволяющей оценивать и прогнозировать функции публичных городских пространств, в настоящее время не разработано.

Вместе с тем, понимание функциональности пространств и отношения к ним горожан критически важно для проектирования и администрирования. Дисфункциональные пространства негативно влияют на отношение жителей к городу и друг другу, а для больших городов особенно характерно формирование пространственных неравенств, когда большая часть необходимых функций сосредотачивается в более фешенебельных, центральных районах.

В данной статье мы предлагаем собственную модель функциональности публичных городских пространств, которую можно использовать для оценки и картирования. Она основана на следующих восьми функциях:

1. Коммуникация. Реализация личных и местно-локальных [Lofland 1998] социальных отношений, формирование гражданского общества. Это функция всегда была одной из основных для публичных пространств – от церкви до ярмарок и площадей – и сегодня сохраняется, несмотря на развитие технологий, позволяющих виртуальное, удаленное общение. Возможность реализации коммуникативной функции во многом зависит от проектирования и физических качеств пространства: например, наличия мест для сидения, защиты от ветровых потоков.

2. Передвижение (транзит). Функция, которой невольно обладает практически любая улица и дорога. Важно то, насколько она приспособлена к этой функции и равнодоступна разным группам – пешеходам,

велосипедистам, водителям, представителям маломобильных групп.

3. Осуществление деятельности. В различных пространствах возможно и осуществление различной деятельности – ситуативной, специфической, развлекательной, профессиональной и т. д. Один и тот же парк может выступать в качестве спортивной площадки, природы для художника-пленэриста или рабочего места для продавца сувениров – у каждого посетителя будет свой контекст для данного места. При этом полностью запрограммировать и проконтролировать деятельность функцию для пространств практически невозможно. Она зависит от множества непредсказуемых факторов, в том числе и от того, каким образом пространство выполняет другие свои функции. Даже пространства с на первый взгляд максимально четко предписанными деятельностными функциями, например, больницы или заводы – легко могут становиться полем для совершенно иных занятий, становясь арт-галереями, театрами или ночными клубами.

4. Удовлетворение потребностей. В отличие от деятельностной функции, легко прогнозируемо и управляемо: достаточно создать условия для удовлетворения физических, ментальных, специфических потребностей – в кинотеатры приходят за развлечениями, в храмы – за молитвой. Безопасность и комфорт можно охарактеризовать как базовые потребности, удовлетворение которых должно быть заложено в самой структуре любого пространства – в противном случае, независимо от остальных функций, оно становится дисфункциональным.

5. Эстетическая функция. Удовлетворение потребности в красоте находится в особом положении по сравнению с остальными потребностями: во-первых, само понятие красоты более чем субъективно; во-вторых, эстетическая функция меньше других связана с остальными: коммуникация; транзит; удовлетворение физических потребностей и осуществление различной деятельности – все это может осуществляться в полностью лишенном каких-либо визуальных прикрас месте. Аналогично, маленький пустынный сквер без единой лавочки где-нибудь на окраине города вполне может быть по какой-то случайности украшен изумительными статуями.

6. Символическая функция. Наполнение пространства смыслами, символами, памятью выводит пребывание в нем за рамки эстетического удовольствия, и даже необязательно им сопровождается. Находясь в таком пространстве, человек скорее внутренне приобщается к обозначенным в нем смыслам, добавляет их к своей идентичности: «я – поклонник Бродского и оставил цветок на его могиле»; «мы – влюбленная пара и фотографируемся у Эйфелевой башни»; «я – паломник и иду в Мекку,

совершить хадж». Разумеется, далеко не каждое пространство надделено символической функцией: она чаще зарождается спонтанно, чем бывает сформирована произвольно, а символичность пространства для каждого человека будет отличаться.

7. Рекреационная. Функция пространства, направленная на отдых и восстановление. Парки, сады, пляжи – любые места, где можно приостановить трудовую деятельность и передвижение (разве что бесцельным прогулочным шагом), есть возможность ощутить физический комфорт, здесь присутствуют хотя бы минимальная эстетическая составляющая и элементы живой природы. На обычной улице такую функцию могут выполнять скамейки, паркетные дорожки.

8. Обучающая, познавательная. Может формироваться намеренно и быть специфической (музейное пространство, информационные стенды), или быть обусловленной характеристиками самого пространства. К примеру, центр старинного города выполняет познавательную функцию относительно градостроения и особенностей архитектуры в доиндустриальные времена: даже без объяснения тонкостей и предпосылок, следующий такой старинный квартал человек на основании имеющегося визуального опыта уже определит как принадлежащий к конкретной эпохе.

Чем больше функций выполняет пространство, тем более оно живое и привлекательное. Однако при этом переизбыток функций может мешать: например, излишняя символичность исключает всякую рекреационность – невозможно отдохнуть с книгой у входа в Ватикан. А стремление удовлетворить абсолютно все потребности посетителя зачастую негативно влияет на эстетику, что довольно очевидно на примере любой ярмарки или парка аттракционов.

Еще две функции городских пространств, менее проявленные и очевидные, но от того не менее важные – **временная (темпоральная)** и **нарративная**.

Темпоральная функция задает отношения с временем в данном пространстве, оно структурирует наше время. Грамотно спланированные пространства гармонизируют и отношения со временем, неграмотные могут вызывать ощущение его нехватки – к примеру, долгий узкий эскалатор на выходе из привокзальной станции метро, всегда переполненный и создающий ощущение спешки, опоздания на поезд. И наоборот, нехватка активностей и сигналов, однообразие могут вызывать ощущение замедления, провоцировать скуку.

Структурирование времени в пространстве может происходить напрямую: красный светофор будет гореть ровно шестьдесят секунд, трамвай ходит с интервалом десять минут, и нет другого варианта, кроме

как ждать – либо косвенно, за счет активности и деятельности: парк аттракционов, удовлетворяя потребность в адреналине и развлечении, структурирует наш воскресный вечер катанием на американских горках; лаборатория принимает анализы с 7 до 11 утра, вынуждая нас прийти именно в это время – и т. д.

В более глубинном, метафизическом смысле, пространство выступает как перила, удерживающие нас на мосту времени. Оно создает связь с прошлым: этот дом был здесь вчера, позавчера, несколько лет назад, когда я был маленьким. Глядя на него, я вспоминаю события, которые происходили здесь, и частично возвращаюсь в прошлое. Когда сносят дома нашего детства, огромная его часть безвозвратно теряется, как бы перестает существовать даже в прошлом, не имея материальной точки отображения в настоящем. Пространство же задает направление будущего: мы планируем свой день в категориях того, где и в какое время мы будем находиться, и что там будем делать. И, конечно, оно фиксирует нас в настоящем – когда мы понимаем, где мы – прямо сейчас, в эту секунду, зачем, и как тут оказались. Отними это понимание – и получишь полностью дезориентированного, неспособного к действиям человека.

Нарративная функция пространства обозначает нарратив – повествование, дополняющее идентичности пользователей пространства на постоянной или временной основе, на основании осуществляемой в нем деятельности в сочетании с существующей гласной или негласной договоренностью о смыслах. При этом значение деятельности и договоренности в этом конструировании можно рассматривать как примерно равновесное. Рассмотреть ее можно на двух примерах, больницы и еврейского гетто:

Пребывание в больнице конструирует идентичность человека, нуждающегося в медицинской помощи – имеющего заболевание, травму, тревожные симптомы или состояние, требующее наблюдения врача. По существующей договоренности о смысле – традиции, общественной норме, такому человеку следует обратиться именно в больницу, а не музей или цирк. Осуществляемая в этом месте деятельность, соответственно, направлена именно на удовлетворение потребности в медицинской помощи.

Попытка находиться в больнице без основания, в обход договоренности о смысле – занять койку в палате и пользоваться больничной столовой и туалетом, не пройдя ритуал врачебного осмотра и установления диагноза, вряд ли будет расценена иначе, чем выражено асоциальный поступок.

С другой стороны, остановка предписанной пространству деятельности – в данном случае, оказания медицинской помощи нуждающимся в ней,

лишит больничное пространство смысла, после чего оставаться в ней болеющим людям, требующим лечения, будет так же бессмысленно и в какой-то мере асоциально, как и необоснованно занимать койку в палате здоровому.

Таким образом, придя в больницу, соотнеся свои потребности с осуществляемой в ней деятельностью и согласившись с установленными в ней нормами, человек принимает новую роль, которая будет главенствовать в период его нахождения в данном пространстве – пациента, или родственника пациента. За пределами больницы он уже будет вступать в другие свои роли, постоянные или временные.

То есть именно пребывание в определенном пространстве – в данном случае, больничном – создает некий нарратив, дополняющий идентичность. От самого носителя идентичности при этом может не требоваться осуществлять какую-либо специфическую деятельность: в больничной палате можно читать или играть в карты так же, как в поезде или на пляже. Пример нарративной функции еврейского гетто еще более драматичен и показателен. В отличие от больницы как пространства с функцией удовлетворения специфической потребности и осуществления соответственной деятельности, нарратив гетто основан практически полностью на условности, или все той же договоренности о смыслах. Совершенно не важно, чем занимается еврей, попавший в гетто – он может вовсе умереть и перестать быть: сам факт нахождения в гетто полностью определяет его социальную роль, конструирует идентичность практически от и до. Больше того: не-еврея, случайно оказавшегося на территории гетто без доказательств того, что он не еврей, будет ждать та же судьба – тогда как выбраться оттуда и подделать документы будет означать спасение от нее. Таким образом, еврейское гетто представляет собой радикальный пример пространства, конструирующего идентичность и нарратив.

Выводы

Функциональность публичных городских пространств требует дальнейших исследований и усовершенствования предложенной модели. В перспективе более глубокое понимание этих функций может положить начало новым типам проектирования и городского планирования – к примеру, основанным на темпоральной функции. Дополнительной работы также требует разработка моделей и методология исследования самого пространства – к примеру, структурно-онтологическая матрица пространства по В. А. Шимко [Шимко]. Изучение функциональности пространства является перспективным направлением активно развивающейся сегодня междисциплинарной области городских

исследований.

Список использованной литературы

- Шимко, В. А. *Городское пространство: структурно-онтологический эскиз*. Дата звернення: 01.04.19. Режим доступа: <https://www.prostranstvo.media/gorodskoe-prostranstvo-strukturno-ontologicheskij-jeskiz/>.
- Krier, R. (1979) *Urban Space*, Academy Editions, London, 173 p.
- Lefebvr, H. (1991) *The Production of Spase*, trans. D. Nicholson-Smith, Oxford: Blacrwell.
- Lofland, L. (1998) *The public realm*, Transaction Publishers.

Євгенія Селезньова

ФУНКЦІЇ ПУБЛІЧНИХ МІСЬКИХ ПРОСТОРІВ

В статті запропоновано модель функціональності публічних міських просторів, яка б дозволила оцінювати цю функціональність та відстежувати виникаючі дисфункції та нерівності в міському середовищі. Модель включає вісім базових функцій та дві додаткові, передбачає подальшу розробку та дослідження.

Ключові слова: функціональність просторів; міські простори; функції міських просторів; символічний простір міста; нарратив міста; темпоральність.

Yevheniia Seleznova

FUNCTIONS OF URBAN PUBLIC SPACES

The following article proposes a model of urban public spaces functionality and functions evaluation, based on eight basic and two additional functions, which include the following ones: communicational, transitional, activities implementation, different needs satisfaction, aesthetic, recreational, educational, symbolic, temporal and narrative functions. Developing such model may provide better understanding of urban physiology and probably set the first point for new types of planning in future, based on spaces functionality, such as temporal city planning.

Keywords: urban spaces functionality; urban spaces; urban spaces functions; symbolical urban spaces; urban narrative; temporality.

References

- Shymko, V. A. *Gorodskoe prostranstvo: strukturno-ontologicheskij eskiz*. Retrieved April 1, 2019, from <https://www.prostranstvo.media/gorodskoe->

- prostranstvo-strukturno-ontologicheskij-jeskiz/
 Krier, R. (1979) *Urban Space*, Academy Editions, London, 173 p.
 Lefebvre, H. (1991) *The Production of Spase*, trans. D. Nicholson-Smith, Oxford: Blacrwel.
 Lofland, L. (1998) *The public realm*, Transaction Publishers.

Стаття надійшла до редакції 12.04.2019
Стаття прийнята 12.05.2019

DOI: [https://doi.org/10.18524/2410-2601.2019.2\(32\).188762](https://doi.org/10.18524/2410-2601.2019.2(32).188762)

УДК: 316.4 (477)

Тетяна Тхоржевська

ПРАКТИКИ ОСВОЄННЯ МІСЬКОГО ПРОСТОРУ: ВИНАЙДЕННЯ ТРАДИЦІЇ?

Мета роботи полягає у тому, аби, спираючись на теорію Еріка Гобсбаума щодо “винайдення традицій”, які особливо актуалізуються у періоди радикальних перетворень, розглянути це на локальному прикладі. Таким прикладом є соціокультурний простір Одеси останньої третини ХХ–початку ХХІ століття. Методом, який надає певні можливості для пошуку відповідей на поставлені питання, є антропологія міста. У зв’язку з цим здалося доречним згадати класичні здобутки цього напрямку у дослідженні міста. Завданнями статті є аналіз того “матеріалу”, з якого конструюються нові традиції, зокрема участь у конструюванні традицій запозичень з “сховищ офіційного ритуалу”.

Ключові слова: винайдення традиції, антропологія міста, сільська громада.

Ерик Гобсбаум визначає винайдену традицію як «низку практик ритуального або символічного характеру, зазвичай обумовлених прямо чи опосередковано прийнятими правилами, які намагаються прищепити певні цінності й норми поведінки через повторюваність, що автоматично означає зв’язок з минулим» [Гобсбаум 2005: 13]. Він зауважує далі, що найбільша концентрація «винайдених» традицій зазвичай там, де суспільство швидко руйнується, втрачаючи попередні соціальні форми. Для конструювання нових традицій використовуються старі матеріали, яких вдосталь накопичено у будь-якому суспільстві. Також нові традиції можуть формуватися за допомогою запозичень з «сховищ офіційного ритуалу». Варто також враховувати, що там, де традиції винаходяться, це відбувається не тому, що старі припинили існування, а тому, що їх свідомо не використовують» [Гобсбаум 2005: 14–17].

В іншій роботі, присвяченій масовому «творінню традицій» в Європі, Гобсбаум стверджує, що «традиції практикували як офіційно, так і неофіційно. У першому випадку можемо умовно назвати їх «політичними». Вони творилися державою або в державі або організованими соціальними чи політичними рухами. У другому випадку можемо назвати їх соціальними. Вони запроваджувалися здебільшого формально не організованими соціальними групами та тими, хто свідомо не ставив перед собою конкретних політичних цілей, наприклад, клубами, братствами...» [Гобсбаум 2005: 303]. Важливим також є твердження, що «нові офіційні громадські свята, церемонії, герої і символи... без щирої народної підтримки не змогли